

Частично из-за того, что закончился обеденный перерыв, школы сами собой стали оживленнее.

С обширным пространством и множеством школьных строений, Академия Такаакита не была исключением.

В Классе 2-D в общеобразовательном корпусе 2-го года учился Саяма. В этом классе пришло время последнего занятия.

Однако Ооки-сенсей еще не закончила урок.

— Простите, ребята. Мои уроки всегда такие длинные.

Все тут же закивали, и Саяма заговорил из центра заднего ряда:

— Не волнуйтесь. Мы привыкли к этому еще с прошлого года.

— Правда? Какие молодцы. Но, но... самое удивительное как этот класс взял 1-е место на академическом экзамене в Апреле. Я так хорошо преподаю?

— Конечно. Ваши уроки замечательно приучают учеников к самостоятельности.

— Серьёзно?

— Когда учитель просыпает, забывает свой журнал, выходит с поезда не на той станции, и не может прочесть, что сама напишет доске, ученикам ничего не остается, кроме как учить всё самим. ...Отличная работа.

— ...Это комплимент?

— Ха-ха-ха. Раз Вы это так восприняли, то, должно быть, очень счастливый человек. Мои поздравления Вашему счастливому жизненному пути.

— Ура! Это был комплимент, если упустить детали!

На улыбку Ооки все ученики ответили угрожающим взглядом.

Когда она повернулась спиной, чтобы раздать распечатки другому ряду, Саяма кивнул в ее сторону.

И этот человек занимается спасением мира, — подумал он, наблюдая за Ооки.

Остальные ничего не знали об этом пугающем факте.

У тех, кто работал ради спасения мира, не было чувства превосходства.

Никто не знал, чем они занимаются.

Точно так же никто не знал ничего о Концептуальной Войне, которая шла во время Второй Мировой.

Саяма неожиданно припомнил, что Ооки сказала сегодня чуть раньше.

...Почему нам нужно проводить Путь Левиафана со 2-м Гиром?

Что об этом думают люди из 2-го Гира? Они испытывают то же самое?

Когда Изумо ушел во время обеда, он сказал Саяме посетить отдел разработок UCAT, если он хочет узнать о концептах 2-го Гира и об истинных обстоятельствах, окружающих его людей.

Если он заикнется о Пути Левиафана, они станут союзниками или врагами?

— Хм.

Саяма сложил руки на груди.

Ему и вправду следует отправиться в UCAT после уроков.

Ему по-прежнему нужно завершить запланированные на эту неделю тренировки, он хотел встретиться с людьми из 2-го Гира, ему нужно поговорить с Изумо и Казами о том, что они выяснят, отправившись перед ним, и...

...Возможно, если пойду, я увижу Синдзё Садаме.

С этой мыслью, он окончательно определился.

Парень направится в UCAT.

И ему нужно сообщить кое-кому о своем решении.

Справа от него сидел Синдзё Сецу с длинными черными волосами, завязанными за спиной.

Синдзё выглядел так, словно прислонился к парте, записывая что-то на листах бумаги, но...

...Он спит.

Саяма потянулся к Синдзё, чтобы постучать его по плечу и разбудить.

Но едва он это сделал, Синдзё нахмурился и произнес сквозь сон:

— А... Н-нет, Саяма-кун...

Саяма инстинктивно вытащил свой портативный цифровой диктофон.

Скорее, — подумал он. — Смогу ли я вовремя склеить это вместе? Надеюсь, я не затру прошлую запись.

Как только Синдзё поставил ногти на стол, Саяма торопливо нажал на кнопку записи и поднес диктофон поближе.

— Подожди... Разве тебе не нужно разогреть его сильнее? — Синдзё скорчился. — Я-я не смогу совладать с чем-то настолько большим!

— Хм. С чем это ты не можешь совладать?

— Я...

— Я?

— Якинику!

Как только Синдзё выдал этот крик, он поднялся с такой силой, что его стул отскочил назад, а парта — вперед.

Его тканевый пенал упал на землю и со стола разлетелось несколько листков бумаги.

На Синдзё нацелились молчаливые взгляды.

После небольшой паузы Саяма произнес:

— Что за волнующее зрелище только что тебе снилось?

— Э? Ой... ну... Ты настаивал на последовательности мясо-мясо-овощи-мясо-овощи, но я говорил, что овощи-овощи-мясо-мясо-овощи будет лучше. Тогда ты попытался засунуть недоваренные овощи в... Стой, сон?

Синдзё оглянулся по сторонам, и увидел, как на него уставился весь класс.

— Ой, — сказал он.

Похоже, до него дошло, поэтому Саяма кивнул.

— Я рад, что ты сумел проснуться самостоятельно.

— Я ни за что не поверю твоим словам, когда в руках у тебя цифровой диктофон! Что ты записал?

— Всего лишь мимолетные комментарии о якинику с твоей головы. Ха-ха-ха. Но можешь не волноваться. Я найду им хорошее применение.

— Н-нет. У меня насчет этого очень, очень плохое предчувствие, поэтому лучше отдай его мне.

— Эй, вы двое. Я тут пытаюсь вести урок, — окликнула Ооки.

Синдзё смутился, но затем удивленно наклонил голову, глянув на часы.

— Эм? А разве урок уже не закончился?

— Ай! Мне вряд ли стоит такое говорить, но это было критическое попадание!!! — затем Ооки кивнула с улыбкой и указала на Синдзё, — Так или иначе, тебе не нужно просыпаться.

Все в классе разом кивнули и произнесли:

— И вы это говорите после того, как опаздываете на каждый урок?!

Дневное солнце освещало наклонный лес.

Он находился в горах, что простирались от железнодорожной станции Окутамы.

Посреди горной чащи изгибалась дорога, берущая начало от шоссе Оуме.

Она придерживалась естественных линий гор и рек.

Однако в какой-то момент изгибалась в углообразную форму.

Дорога поворачивала в сторону, огибая одинокую гору. Ту гору покрывал подлесок, но на ней не росло ни одного дерева.

Это все, что осталось после крупномасштабного оползня.

С севера на юг на сто метров в ширину и на двести в длину тянулась гряда грязи.

За ней лежала небольшая гора высотой около ста метров, где сбоку раскинулся открытый земляной пласт.

На верхушке того наслоения стоял человек.

Молодой мужчина по имени Касима.

Он носил свою привычную рабочую одежду, лабораторный халат и очки.

За следующей горой, покрытой лесом, проглядывалось несколько белых строений.

— В светлый день, вроде этого, спокойно можно разглядеть ИАИ.

...Он отлично просматривается отсюда.

И точно так же перед мужчиной открылось небо.

Касима сел на траву и поднял взгляд на это голубое небо.

Отсюда до дома его детства было всего ничего. Пока он глядел в небеса, к нему пришли воспоминания об одном человеке.

— Я играл тут с моим дедушкой.

Его слова вернули воспоминания о прошлом.

...Мой дедушка...

Дед Касимы пережил Концептуальную Войну.

Предположительно, он работал опытным кузнецом мечей, но оставил это, когда Касима был еще молод. Количество друзей, посещающих его обитель, с каждым годом сокращалось, а отец Касимы выбрал путь фермера, хотя и унаследовал способности своего отца.

Когда они сидели на крыльце, его дед нередко рассказывал о 2-м Гире.

Касима посещал школу Лоу-Гира, поэтому не думал, что истории дедушки об ином мире правдивы.

Война из его рассказов отличалась от Второй Мировой Войны Лоу-Гира, которую проходили в школе.

Однако в тех историях было множество разных людей, множество разнообразных битв, и множество различных потерь.

Махали мечи, гремели выстрелы и появлялись громадные драконы и корабли. И среди всего этого дедушка рассказал ему следующее:

— Когда мы прибыли в этот мир, имя Касима обрело смысл величайшего оружейного бога. Он не столь силен, как император, но это имя позволяет нам говорить с небесами с помощью инструментов с лезвиями.

Касима думал, что военные истории дедушки — просто сказки, но всегда оставался один вопрос.

...Он никогда не рассказывал мне о том, как война завершилась.

Сколько бы раз Касима не спрашивал, старик всего лишь улыбался и говорил: «Это не важно».

Он задавался вопросами, почему это не важно, и почему улыбку дедушки переполняла печаль.

Когда Касима окончил среднюю школу, ему сообщили, что он родом из другого мира, и те вопросы переросли в сомнения.

Согласно его родителям, когда Ямата уничтожил 2-й Гир, люди сбежали в Лоу-Гир, создали гигантскую человекоподобную машину и меч, после чего с их помощью запечатали Ямату.

Его дедушка, вроде как, играл в укрощении Яматы важную роль. Он создал меч, используемый для заточения Яматы, который являлся Концептуальным Ядром 2-го Гири, и помогал контролировать человекоподобную машину.

И всё это чистая правда. Касима это выяснил, едва присоединился к UCAT.

Но в то же время, сомнение оставалось.

Например, при жизни его дед никогда не писал «Касима» используя кандзи Лоу-Гири.

...Он так и не позволил себе полностью адаптироваться к Лоу-Гири. Неужто война для него так и не закончилась?

Касима не знал правды. И ближе всего от подступился к ней не во время его работы в UCAT.

Это случилось ночью тринадцать лет назад.

— В ночь, когда мой дедушка скончался.

Касима закрыл глаза и припомнил то мгновение в прошлом, ознаменовавшее начало этого всего.

Едва взор Касимы потемнел, он обнаружил себя в старом, деревянном доме.

Он находился в гостиной своего дома детства.

Высокие стены и потолок, и толстые балки с перемычками, покрытые темной сажой. На всем дереве виднелись родовые кольца, и комната освещалась одной лишь лампочкой, свисавшей с потолка.

На улице стояла ночь, наполненная суровым зимним ветром.

Худой старик лежал на футоне, расстеленном на татами полу.

Это и был дедушка Касимы.

Его волосы поредели, лицо побледнело, а глаза безучастно уставились в потолок.

Держал ли я его тогда за руку? — задумался Касима.

На ум приходили лишь родители, пытавшиеся удержать его на месте сзади.

Он припоминал, как они просили его уйти и не тревожить старика. Но одна вещь ему запомнилась больше всего.

— Ты неправ! Ты не должен нести грехи своих отцов самостоятельно!

Те слова напомнили Касиме кое-что еще.

...Да, я держал его тогда за руку.

У его дедушки еще оставалась сила на то, чтобы сжать его руку в ответ, и ясно произнести:

— Акио.

Когда он услышал свое имя, Касима оттолкнул руки родителей, удерживающих его.

После чего он приблизился к лицу деда.

Он не помнил, что тогда ему говорил, но помнил, что его дедушка промолвил в ответ.

— Ты можешь выбрать такую же жизнь, как и твой отец.

Но...

— Но, Акио, если... если у тебя есть вопросы, отправляйся в корпорацию Изумо. Там есть организация под названием USAT. И...

Его дед на этом замолчал.

Но Касима ему не позволил. Он схватил свободной рукой дедушку за шиворот.

— Скажи мне! Что ты хочешь рассказать?! Ты сдерживался все это время, да?! Ты всегда рассказывал мне о своих погибших товарищах, но никогда не говорил мне ничего о себе! Мне нужно идти в USAT, понял! Что я там должен делать?!

В ответ прозвучало всего одно слово.

— ...Татикава.

— Татикава? — повторил он, удерживая воротник дедушки.

Старик кивнул и сделал вдох.

— Там аэродром, и гигантская...

В то время, он не знал, о чем говорил его дед.

— Гигантское что?! Там... там что-то есть, да?! Мне просто нужно пойти туда, да?!

— Да. Оно в передней коробке на мостике на голове... Тебе нужно передать это дальше.

— Кому?! Кому и что передать?!

Старик не давал ответа. Взамен, он произнес иное слово. То было...

— Имя? — спросил Касима.

Его дедушка не стал кивать. Он лишь говорил, прерываемый короткими вдохами.

— Это слово, контролирующее Ямату. Это правда 2-го Гира.

— ?!

— Возьми это... и иди...

Касима сглотнул, и глаза его дедушки зашевелились.

Они повернулись в направлении небес, не фокусируясь на Касиме, глядящем на него сверху вниз. Они всматривались куда-то вдаль.

Когда старик произнес короткую фразу, напряжение его взора не колебалось:

— Вы можете меня простить?

И это были его последние слова.

Худое тело старика содрогнулось.

Этот трепет ознаменовал его конец. Сквозь воротник в своей руке Касима почувствовал последний удар его сердца. Его собственное тело вздрогнуло в ответ.

Таковыми были воспоминания Касимы о той ночи много лет назад.

Хоть он и позабыл некоторые детали, но одно сомнение так и не исчезло.

...Действительно ли война завершилась для моего деда?

С этой мыслью он открыл глаза и встал.

Под ним раскинулся склон оползня.

Взгляд Касимы остановился на одной точке нагромождения грязи. Чуть ниже от центра склона угадывался цвет.

Белый.

Он принадлежал обломку окрашенного металла.

Под насыпью был неразрывно похоронен белый автобус среднего размера, завалившись на бок.

Касима уставился на белый автобус, торчащий из оползня, и пробормотал себе под нос:

— Моя война уже подошла к концу.

После школы Саяма и Синдзё помогали другим с уборкой класса.

Едва закончив, они решили поговорить, пока остальные собирались уйти.

Саяма засовывал учебник в сумку, тогда как Синдзё сложил руки у ног и опустил голову.

— Э-э, Саяма-кун. Прости за то, что случилось.

— Хм? О чем ты?

— Когда я был...ну... полусонный, я сказал что-то о странном сне, не так ли?

А, это, — подумал Саяма, горько улыбнувшись внутри.

— Нет, я не думаю, что твой сон такой уж и странный, Синдзё-кун.

— П-правда? Он не был странным?

Синдзё кивнул с облегченной улыбкой, и Саяма вытащил и включил свой портативный диктофон:

— Я-я не могу совладать с ч-чем-то настолько большим!

— Ха-ха-ха. Разве в этом есть что-нибудь странное?

— Э-это весьма странно! Н-ну же! Прекрати сопротивляться и отдай мне диктофон!

— Успокойся, Синдзё-кун. Никто не говорит, что ты сделал что-то не то, не так ли?

— Н-ну, нет...

Синдзё как будто сжался.

— Тебе не о чем волноваться. Саморазрушение Ооки-сенсей бросается в глаза гораздо сильнее. Хотя, возможно, она намеренно разрушает себя, чтобы прикрыть тебя, но вероятность этого крайне мала.

— Ты пытаешься меня одурачить?

— Вовсе нет. Я искажаю факты, давая тебе более позитивное мировоззрение.

— Это то же самое, что и дурачить. ...Серьёзно.

— Серьёзно? Серьёзно что, Синдзё-кун?

— Ммм, — промычал Синдзё, поднимая руки. — Эм, насчет того, о чем мы говорили ранее.

Синдзё собрал листки бумаги со стола и поднес их к груди.

— Ты хотел узнать, чем я занимался утром и чуть раньше?

— Хотел, — согласился Саяма.

Ну что за сложный человек, — подумал он.

Синдзё отказывался говорить утром и вызвал смуту во время занятий. Эти два факта привели Саяму к одному решению.

...Он решил, что будет лучше просто мне все рассказать?

— Вот как. Позволь мне снова подготовить диктофон. ...Ладно, теперь можешь спокойно выкладывать.

— Прощу, прекрати этот вежливый допрос.

— Как пожелаешь. Я бы хотел услышать, что ты хочешь сказать. Ты мне расскажешь?

— Да. Но сперва, Саяма-кун, ты читаешь романы?

— Читаю.

— Например?

— Вплоть до прошлогодних летних каникул, я прочел каждую книгу, выставленную в Библиотеке Кинугасы. Я нацелился на конкретные знания, которые мне нужно было обрести, но готовностью прочту всё что угодно.

— Ясно, — плечи Синдзё немного расслабились. — А к-какие истории тебе нравятся? Что-то вроде Самурая Цудзигири?

— Там нет ничего интересного, кроме самого Цудзигири. ...Та книга ничего, до тех пор, пока ты не воспринимаешь ее всерьёз.

На этих словах, он горько улыбнулся в своем сердце.

...История, достойная того, чтобы принять ее всерьёз.

И тут он кое-что понял.

Понял, что Синдзё хочет ему сказать.

Саяма указал на то, что Синдзё держал в руках.

— Вот как. Синдзё-кун, ты пытаешься написать что-то подобное, не так ли?

Синдзё поднял глаза.

Миндалевидные глаза Саямы взирали на него без намека на улыбку.

Саяма попал в яблочко. Листки бумаги в руках Синдзё были...

— Прочитав некоторые истории, мне захотелось написать свою. Я подумал, что должно быть что-то получше, и размышлял о том, что бы я сделал иначе. ...И эти мысли вылились на бумагу.

— Понимаю.

Саяма кивнул, но Синдзё снова опустил взор.

Он глянул на ноги Саямы, и осознал, что его комнатная обувь на удивление грязная.

— Но я раньше никогда не пытался ничего писать. Мне кажется, что мне чего-то не хватает.

— Не хватает? Чего же? Общих знаний? Или, может, самообладания или объективности?

— Прости, но я должен перенаправить эти вопросы тебе же, Саяма-кун. Ладно, проехали. Я всегда бросаю писать, не закончив, поэтому боюсь, что то же самое случится и в этот раз.

— Вот как, — Саяма кивнул, но в итоге задал вопрос. — Синдзё-кун, почему ты мне сейчас это рассказываешь?

— Мне показалось, что будет лучше тебе рассказать.

— И почему же?

Синдзё задумался о своем утреннем отказе и происшествии во время урока.

Он хотел оправдаться и убедиться, что не осталось недоразумений. Однако...

...Почему меня так сильно волнуют недоразумения?

После чего он ответил не задумываясь:

— Я хочу, чтобы ты меня лучше узнал...

Что я такое говорю? — Он неожиданно осознал.

Его лицо было на удивление горячим.

Синдзё поднял взгляд, уставившись на Саяму. Глядя на него сквозь свои кудри, он разглядел улыбку в его глазах. Саяма кивнул и произнес.

— Это и значит рассказывать историю, Синдзё-кун. Не забудь это ощущение.

— Э?

Но Саяма не стал отвечать на его односложный вопрос. Он произнес кое-что другое.

— Какую историю ты сейчас пишешь? Экстравагантный детектив, обещающий удивительную любовную линию?

— Я не пытаюсь сочинить какой-то новый жанр. ...Недавно, я немного заинтересовался японской мифологией.

— О? Какое совпадение. Я тоже.

— Знаю. Вчера ночью ты читал книгу по мифологии за авторством основателя этой школы, да?

— Так ты заметил. Я бы хотел поискать легенды, связанные с Сусаноо и Ямата-но Ороги. Ты бы не мог мне что-нибудь посоветовать?

Синдзё задумался на минутку.

— Хм... Быть может, тебе стоит сосредоточиться на мечах и героях.

— Мечах и героях?

— Да. В японской мифологии фигурируют несколько различных божественных мечей. Самый известный — Кусанаги, и второй по известности — Тоцука-но цуруги, сразивший Ямату-но Ороги. Есть еще малоизвестные, вроде Фуцуномитама. Среди этих трех, Кусанаги наиболее значимый, — Синдзё попытался припомнить, что он читал. — Кусанаги преподнесли главному богу Аматерасу, и по какой-то причине его имя изменили на Меч Муракумо.

И...

— Тем, кто носил меч в эпоху людей, был Ямато Такэру[ヤマト タケル]Ямато Такэру (яп. ヤマト / タケル, ヤマトタケル タケル — «силач из народности ямато», годы жизни — предположительно 82 — 113) — синтоистское божество, легендарный герой-полководец в японской мифологии. Сын императора Кэйко.. Он герой того же уровня, что и Сусаноо. Изначально он звался Осю и желал воссоединить Японию, потому сначала отправился в Кумасо в Кюсю и встретился там с Кумасо Такэру. Однако Ямато Такэру его обманул, дабы неожиданно напасть.

— Чтобы подобраться к нему поближе и убить его, он переоделся в женщину. Сраженный Кумасо Такэру назвал его героем и дал ему имя Ямато Такэру. Я не прав?

— Прав. Оба этих героя были невероятными людьми. ...Сусаноо был груб и агрессивен, и боги ненавидели его, но он был честен с самим собой. Однако Ямато Такэру от него отличался. Он был отважен, и люди его любили, но...

— Он жил в окружении лжи.

На этих словах Синдзё замер на месте. В конце концов, он кивнул.

...Ложь.

Он взглянул на левую руку Саямы.

Она по-прежнему была перебинтована, но рука под перевязкой наверняка уже полностью зажила.

Синдзё придется в скором времени его оставить.

И с этой мыслью он невольно проговорил:

— Я бы сказал, что тыходишь на Сусаноо, Саяма-кун.

— Для меня большая честь, что ты приравниваешь меня к богу.

Саяма слегка улыбнулся, и Синдзё улыбнулся в ответ.

Но после этого, Синдзё снова начал говорить.

Слова, которые он выдавал, нависали над его разумом уже давно.

То был источник вины, которую он испытывал по отношению к Саяме, и желание рассказать побольше о себе.

Эта мысль вылилась из его уст в форме, выражавшей все под другим углом.

— Саяма-кун, что бы ты сделал, если бы я был Ямато Такэру?

Занятия кончились, и уборка подошла к концу.

Школу наполовину заливал свет полуденного солнца, и внутри отдавались новые звуки.

Это крики спортивных команд во время тренировок и удары отскакивающих мячей. Поверх накладывался шум строительства для Фестиваля Всеобщего Отдыха.

Однако некоторых участков школы никакой шум не достигал.

Одним из них была западная сторона общеобразовательного корпуса 3-го года обучения.

Первый этаж использовался для хранения учебных материалов, поэтому там редко появлялись люди.

В тени школьного здания стояла высокая женщина.

Ей оказалась Диана, наряженная в черный костюм.

Она провела рукой по волосам и повернулась к школьному корпусу.

У входа в здание располагались шкафчики для обуви. Рядом с ними кто-то стоял.

— Вам что-то нужно? — спросила девушка.

С серыми волосами и в школьной форме, она стояла приблизительно в пяти метрах от Дианы. Небольшая сине-черная птичка сидела у нее на плече, а у ног находился...

— Этого котенка я видела в Библиотеке Кинугасы.

Диана поднесла левую руку к щеке и вздохнула.

Ее ресницы слегка опустились, и она глянула на острый взор девушки с фиолетовыми глазами.

— Чем обязана, Брюнхильд Шильд из 1-го Гира?

— Так ты в курсе? Это все упростит, — Без малейшего проявления эмоций, девушка свободно сложила руки у талии. — Я услышала от кота. Ты сказала Зигфриду держаться подальше от Пути Левиафана, не так ли? Полагаю, ты прибыла из UCAT, но что у тебя на уме?

Диана горько улыбнулась.

— О? Почему это тебя так волнует? Ты им проиграла, разве нет?

— Так и есть, но благодаря им, я также кое-что приобрела. Если ты сделаешь хоть что-нибудь...

— И что ты планируешь сделать, если я причиню им вред, девочка?

Все так же сохраняя невозмутимость, Брюнхильд разложила руки.

Она сжимала в правой ладони голубой камушек.

Движение ее руки было мягким, но в то же время быстрым и точным. Путь камня начертал в воздухе слова.

— Я не потерплю, чтобы меня называл девочкой кто-то столь молодой, как ты.

— Я? Молода? Ну, полагаю, я и вправду выгляжу молодо. ...Но я бы предпочла, чтобы ты звала меня Дианой. Я думаю, мы поладим.

Ответом Брюнхильд послужил белый свет, рванувшийся от ее правой руки.

Он сформировал одно звено из цепи.

Сияющий тридцатисантиметровый эллипс неожиданно устремился вперед на высокой скорости.

Он нацелился на шею Дианы.

Но как раз перед тем, как он обхватил ее тонкую шею, Диана подняла левую руку.

Она запустила пальцы в свои волнистые волосы.

И когда вытащила их обратно, они держали узкий бумажный треугольник.

— !..

Сияющая цепь столкнулась с бумагой.

Прогремел металлический звон и разразился мгновенный порыв ветра.

Все, что осталось — выжженное слово на бумаге Дианы.

— Kette[] Тут и далее Диана использует немецкие слова в своей речи. Для сохранения колорита они оставлены без перевода.... Девочкам не следует размахивать такими вещами. Или, после такой долгой жизни, это вошло у тебя в привычку?

Глаза Дианы прищурились, и она слегка обняла собственное тело. Все это время на ее губах сохранялась улыбка.

— Я узнала сегодня одну вещь: глупец не станет слушать.

— И кому же предназначается этот урок, Диана?

— Скорее всего...

Ее последующие слова сопровождало движение.

— Всему миру.

Саяма нахмурился на вопрос Синдзё. Он задумался, что бы это значило.

— Что ты подразумеваешь, спрашивая, что бы я сделал?

— Именно это. Что бы ты сделал, если бы я был Ямато Такэру?

В ответ Саяма кивнул.

Он немного подумал, и затем с серьёзным выражением лица постучал Синдзё по плечу.

— Как насчет того, чтобы сходить к врачу? Ты разволновал меня своими разговорами о прошедшей жизни.

— Э-то совсем не та реакция, которую я ожидал.

— Ха-ха-ха. Не переживай. Я могу познакомить тебя с замечательным нейрохирургом. Всё будет хорошо. Ты почувствуешь лишь небольшой укольчик. А еще я могу предложить тебе отличный санаторий. И, полагаю, я буду тем, кто будет ставить тебя обратно на ноги. Санаторий в Каруидзаве... Как поэтично... Горы, широко распростёртые небеса, тихие ночи... Ах, ах!

— Прекрати смотреть вдаль, воображая какую-то драму.

Синдзё зыркнул на него полуприкрытыми глазами, но его лицо быстро окрасилось раздражением.

— Прости тогда. Наверняка это прозвучало странно.

Синдзё выдал смущенную улыбку.

Саяма же на деле понимал, что означал его неожиданный вопрос.

Едва лишь Саяма произнес, что Ямато Такэру жил в окружении лжи, Синдзё спросил: что, если и он такой же.

...Синдзё-кун о чем-то лжет?

Он хотел узнать, как Саяма отреагирует на его ложь, а значит, вряд ли это что-нибудь обыденное.

...Причина, по которой он спросил так неожиданно, должно быть, связана с тем, о чем он упоминал до этого.

Синдзё говорил, что хочет, чтобы Саяма узнал о нем больше.

И с заживлением левой руки Саямы, им скоро придется распрощаться.

...Синдзё-кун не уверен, стоит ли ему перед этим мне кое-что рассказывать?

Саяма задумался о слове «ложь».

Он хотел узнать, какого рода эта ложь, но Синдзё лишь смущенно улыбался.

Если он спросит, Синдзё едва ли ответит.

Потому Саяма аккуратно выбрал слова, и заговорил:

— Ты выслушаешь одну вещь, Синдзё-кун? Нет, я настаиваю, чтобы ты выслушал.

— Э? С ч-чего это ты вдруг?

— Похоже, ты скрываешь какой-то секрет, и поэтому, если тебе когда-нибудь захочется мне его рассказать, прошу, не стесняйся.

Лицо Синдзё налилось изумлением.

По этому выражению Саяма понял, что не ошибся.

И будто усиливая подтверждение, выражение лица Синдзё сменилось на облегчение.

— Хорошо. Так и сделаю.

— Но будь осторожен, Синдзё-кун. Я злодей, даже если дело касается тебя. Поэтому...

— Знаю. Как бы сильно я тебя не проверял, ты не должен поддаваться, Саяма-кун. Ты сдвинешься с места, лишь когда я стану серьёзным и сам попытаюсь тебе кое-что рассказать. ...Так?

— Именно. Когда придет время, я столкнусь с тобой как злодей, и ты столкнешься со мной, основываясь на своем стандарте.

Синдзё вздохнул. Это был вздох облечения.

— Хорошо. ...Я создаю немало хлопот, правда?

— То же самое ты можешь сказать и обо мне.

Синдзё горько улыбнулся и Саяма ответил тем же. В попытке положить конец этому раздражительному настрою, Саяма засунул свои школьные документы в сумку.

Но неожиданно остановился.

Парень держал в руках атлас Японии.

Он резко раскрыл карту Токио на столе.

...Казами и Изумо должно быть сейчас собирают информацию о 2-м Гире.

Например, они могут узнать, где запечатан Ямата.

Синдзё сбоку бросил взгляд на карту.

— В Токио что-то есть?

— Да. В скором времени, я собираюсь кое-что поискать. Если бы в Токио существовало место, где нечто огромное могло бы устроить дебош, где бы это могло быть?

— Ты говоришь будто о каком-то ужастике. Я бы сказал парк, но в парках многовато деревьев и холмов. Тебе нужно что-то плоское, вроде аэродрома?

— Аэродром, хм? Не уверен, что прямо в Токио есть хотя бы один.

Заявление Саямы получило ответ из классного окна.

— Есть Авиабаза Ёкота.

Саяма и Синдзё подняли взгляд и повернулись налево.

У задней части класса из окна показалась чья-то спина.

На подоконнике сидел парень среднего телосложения, сняв пиджак своей формы.

С довольно загорелой кожей, он носил мешковатые штаны и рубашку, расправленную снизу.

Он повернул точеное лицо и волнистые черные волосы в их сторону.

— Что у вас тут за безумные разговоры? — спросил он, скрывая голубые глаза под темными очками.

— Тебе должно быть понятно и так, Харакава. И что ты вообще здесь делаешь?

— А, помнишь Ооки-сенсей сломала вчера окно? Ну, она попросила меня его подправить.

— Я помню. Она открыла окно как обычно, но по какой-то причине оно отвалилось.

— Да, оно вонзилось в клумбу внизу. Выглядело словно какая-то авангардная скульптура. Я захожу в автомобильный клуб, так что это не совсем моя специальность. Между тем, если у вас есть дела в Ёкоте, могу вас провести. Я работаю там на полставки.

— Нет, мне нет дела до Авиабазы Ёкота. Мне нужен аэродром еще с довоенных времен.

Саяма неожиданно развернул атлас на весь стол.

Еще до войны в Токио действительно находилось большое летное поле.

Саяма быстро открыл увеличенную карту западного Токио, и Харакава окликнул со своего места:

— Татикава?

— Да. Похоже, твои прогулы ради подработок на военной базегодились, Дан Харакава. Здесь, в Токио, и вправду располагался военный аэродром: Аэродром Татикава. Сейчас он известен как Мемориальный Парк Сёва, но он служил аэропортом перед войной и...

Саяма провел пальцем по карте.

Рядом с Мемориальным Парком Сёва проходил железнодорожный маршрут.

Это Линия Оуме Японской Железной Дороги, бравшая начало из Татикавы. Она тянулась на запад в сторону Окутамы и продолжалась прямо к району, где было расположено USAT.

— Понятно, — пробормотал Саяма.

Неожиданно, он услышал шум.

Прогремел звон металла.

Харакава, должно быть, уронил инструмент, потому что забежал взглядом по полу.

Комната наполнилась атмосферой растерянности, и только Саяма зашевелился. Он встал.

— Это был звук битого стекла.

— Т-ты что-то сказал, Саяма-кун? Что-то про стекло?

— Прости, — произнес он, протягивая свою черную кожаную сумку Синдзё. — Ты не мог бы занести ее в общежитие? Когда я разберусь с кое-каким делом, я, пожалуй, направлюсь прямиком на работу.

— Кое-каким делом? — спросил Синдзё, глядя на сумку.

Саяма кивнул.

— Мне нужно кое-где навести порядок.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3274826>